

Идея целостности как российский социально-политический феномен

The idea of wholeness as a Russian socio-political phenomenon

DOI: 10.12737/2587-6295-2020-129-137

УДК 321.01

Получено: 26.04.2020

Одобрено: 07.06.2020

Опубликовано: 25.06.2020

Ишутин А.А.

канд. филол. наук, доцент кафедры философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

e-mail: a_ishutin@inbox.ru

Ishutin A.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of philosophy and history of the Moscow University for Industry and Finance «Synergiya»

e-mail: a_ishutin@inbox.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является выявление роли и значения категории целостности в российском социально-политическом и историческом процессе. В статье использовались такие методы научного исследования, как сравнительный метод, ретроспективный метод, герменевтический метод. Автор статьи утверждает, что в контексте краха проекта модерн и связанного с этим мировоззренческого тупика идея целостности становится важнейшей идеологической парадигмой, а эта парадигма свойственна именно русскому социально-политическому, культурному и философскому полю. Именно в русском мирозерцании целостность – это важный объединяющий компонент. Весьма показательно, что мыслители из абсолютно разных социальных слоёв и абсолютно различных политических контекстов приходили к идее целостности. В качестве примера автор статьи рассматривает взгляды писателя и мыслителя В.Ф. Одоевского, религиозного философа В.Ф. Эрнэ и революционера-марксиста А.А. Богданова. Согласно взглядам В.Ф. Одоевского, основа подлинного мировоззрения – это триединство веры, знания и искусства. Такая целостность определяет и социально-политический идеал писателя. По мнению В.Ф. Эрнэ, целое становится целым только при допущении, что оно находится за пределами нашего мира, за пределами смерти и является ноуменальным Существом. Познавая его, человечество только и может выстроить новый социально-политический идеал. А.А. Богданов приходит к выводу, что задача подлинного политического проекта, обращённого в будущее, заключается в том, чтобы дать интегральную концепцию человека, а также науку целостного знания – тектологию, и тогда начнётся гармоническое развитие нового объединённого человечества. Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в том, что в эпоху социальных потрясений и господства постмодернизма идея целостности становится вновь весьма актуальной, так как без неё невозможно какое-либо социально-политическое и историческое проектирование.

Ключевые слова: целостность, холизм, модерн, постмодерн, любомудрие, всеобщность, Логос, свобода, прогресс, абсолютное, тектология.

Abstract

The purpose of this article is to identify the role and significance of the category of wholeness in the Russian socio-political and historical process. Such methods of scientific research as the retrospective method, the comparative method and the hermeneutic method are used in the article. The author of the article claims that in the context of the collapse of the project Modern and the related worldview impasse, the idea of wholeness becomes the most important ideological paradigm, and this paradigm is peculiar to the Russian socio-political, cultural and philosophical sphere. Just in the Russian worldview wholeness is an important unifying component. It is very significant that thinkers out of completely different social backgrounds and completely different political views came to the idea of wholeness. As an example, the author of the article considers the views of the writer and thinker V.F. Odoevskiy, religious philosopher V.F. Ern and the revolutionary Marxist A.A. Bogdanov. According to the views of V.F. Odoevsky, the basis of a true worldview is the trinity of faith, knowledge and art. Such integrity also determines the socio-political ideal of the writer. According to V.F. Ern, the whole becomes the whole only on the assumption that it is beyond the borders of our world, beyond death and it is a noumenal Being. Cognizing it, humanity can only build a new socio-political ideal. A.A. Bogdanov has come to the conclusion that the task of a genuine political project facing the future is to give an integral concept of man, as well as the science of holistic knowledge — tektology, and then the harmonious development of a new united humanity will begin. The theoretical and practical significance of the article lies in the fact that in the era of social upheaval and the dominance of postmodernism, the idea of wholeness becomes again very relevant because without it any social-political and historical design is impossible.

Keywords: wholeness, holism, modern, postmodern, love-of-wisdom, generality, Logos, freedom, progress, absolute, tektology.

Введение

Человеческая цивилизация в начале XXI в. подошла к недвусмысленному мировоззренческому тупику: *модерн*, который стал основой жизни западноевропейского общества, начиная с XVII в., и который распространился в разных вариациях и в разной степени на другие регионы земного шара, оказался в состоянии глубочайшего кризиса. С начала XXI в. фактически он «атакуется» с двух сторон. Во-первых, мы можем наблюдать возрастающее господство постмодерна, причем не просто как культурного явления, а именно как нового глобального (и весьма тоталитарного) мировоззренческого проекта. На наших глазах происходит отказ от знаменитой «модернистской» триады, прозвучавшей в названии работы Ф. Энгельса: семья – частная собственность – государство.

На место Вестфальской системы национальных государств пришла власть глобальных финансовых институтов и мегакорпораций, которые, по сути, могут управлять и информационно, и финансово в обход официальных правительств. На место традиционных семейных ценностей, которые были востребованы проектом *модерн* не меньше, чем в средневековом, религиозном обществе, пришли однополые браки и ювенальная юстиция именно как идеология радикального удушения традиционной семьи под видом освобождения и раскрепощения человека.

На место классической частной собственности и классической рыночной экономики пришли глобальные финансовые пирамиды, от которых теоретик капитализма Адам Смит, пожалуй, ужаснулся бы, ведь он воспринимал деньги только лишь в качестве технического и вспомогательного инструмента обращения, а не как нечто самодостаточное. Современное же господство глобального кредитно-банковского капитала (и даже не промышленного) действительно сильно выходит за пределы учения классика буржуазного модерна.

Уничтожение суверенитета целых стран и народов посредством экономических санкций также стало весьма распространено, а ведь это убивает основной закон классической рыночной экономики «спрос рождает предложение». Слишком обыденным стал и арест любой собственности, если это соответствует принципу политической целесообразности.

Всё вышеперечисленное приводит западное общество (да и не только западное) к глубинной постмодернистской мутации. Магистраль классического модерна проваливается у нас на глазах. В связи с этим весьма актуально начать серьёзное осмысление того, что Россия может предложить миру в качестве альтернативного мировоззрения. И это мировоззрение не может не включать в качестве важнейшего компонента холизм, с точки зрения которого, целое больше, чем сумма частей, его составляющих; целое ценно само по себе.

Данная тема как важнейшая для русского национального самосознания, в том числе и в социально-политической плоскости, обозначена в важнейших фундаментальных трудах по истории русской философии таких авторов, как В.В. Зеньковский [5], Б.В. Яковенко [16] и Л.Н. Столович [13]. Отдельно хотелось бы отметить работы И.И. Евлампиева «История русской метафизики в XIX—XX веках. Русская философия в поисках абсолюта» [4] и В.В. Лазарева «Идея целостности в русской религиозной философии (середина XIX – начало XX в.)» [7], в которых также содержатся важные концептуальные замечания в рамках рассматриваемой темы. Существенные аспекты идеи целостности в политической плоскости обозначены в работе А.Г. Дугина «Философия политики» [3]. Наконец, в одной из работ автора статьи осуществлена попытка философского и социально-политического комплексного осмысления холизма как мировоззренческой позиции [6].

Методы

Необходимо обозначить методы, используемые в данной статье. Исходя из специфики статьи, автор использует в первую очередь сравнительный метод для анализа политико-философских концепций. Проводится сопоставление точек зрения В.Ф. Одоевского, В.Ф. Эрн и А.А. Богданова в понимании целостности как идеологической парадигмы. Исходя из специфики цели и тематики статьи, также использовались ретроспективный и герменевтический методы. Применяя ретроспективный метод, автор коснулся некоторых существенных точек в проявлении холизма в русской мысли. Применяя герменевтический метод, автор статьи исходил из необходимости исследования текстов этих авторов, их анализа, понимания и интерпретации, что позволило достичь определённых научных целей в соответствии с замыслом и тематикой статьи.

Постмодернизм против целостности

Постмодернистский дискурс, пришедший на смену модерну, имеет совершенно конкретные мировоззренческие основания, которые в свою очередь формируют идеи во всех направлениях: общекультурных, социальных, нравственных, политических. Западноевропейский модерн не отрицал целостности бытия, но изрядно погрузил эту целостность в пучину механицизма, за что и был раскритикован многими русскими мыслителями [10]; постмодерн же вообще засомневался в существовании целостности мира как таковой. Например, французский постмодернист Жан-Франсуа Лиотар писал: «Постмодерн — ситуация, когда целостности уже не верят <...>, наступает эпоха раскрепощения частей» [8, с.29]. То есть кроме изменчивых отношений и функций нет ничего. Происходит, по сути, атака на онтологию, на бытие и его целостность. Отсюда следует и довольно существенный историсософский «вывод»: нет и не может быть никакого исторического проектирования, ведь всё есть дисперсия, случай и игра, а точнее, текучее пересечение игровых индивидуумов.

Проблема заключается в том, что такое мировоззрение оказывается своеобразным оружием против человеческой цивилизации как таковой. Игровой хаос без поиска смыслов и исторических задач начинает тащить человечество в пучину уже контрмодерна. Отсюда и «внезапное» появление на карте мира таких странных проектов, как ИГИЛ (организация запрещена в России), которые уже напрямую отрицают историческое восхождение и которые имеют свои корни явно не в пустынях и горах, а в определённом сегменте транснациональной олигархии.

Целостность как «бродильный и объединяющий компонент»

На этом фоне страстное, экстатическое ощущение целостности вновь актуально и становится не просто философской прихотью, но условием человеческого прогресса как такового, а может, и человеческого выживания. Именно в русском культурном и философском поле *целостность* – это «бродильный и объединяющий компонент», как утверждал историк философии Б.В. Яковенко [16, с.467], и этот компонент оставался неизменным даже в контексте жёсткой ломки эпох. Весьма показательным, что мыслители из абсолютно разных социальных слоёв и абсолютно различных (даже противоположных) политических контекстов приходят к этой идее.

В.Ф. Одоевский: целостность и любомудрие

Яркий пример – замечательный русский писатель и философ Владимир Фёдорович Одоевский (1803–1869). В 1823 г. он вместе с молодыми московскими интеллектуалами создал философский кружок «Общество любомудров». Старославянское слово «любомудрие» было выбрано неслучайно. Именно таким образом участники этого общества обозначили отличие своего философского направления от французской просветительской философии и подчеркнули своё критическое отношение к «философии вольтеров и гельвециев». Отталкиваясь от литературных идеалов романтизма, В.Ф. Одоевский провозгласил целостность основным свойством мироздания: всё со всем взаимосвязано. «В мире, — пишет русский мыслитель, — как в доброй самопрядильной фабрике, одно колесо цепляется за другое» [11, с.297]. Новую науку, науку целостного знания, способную быть подлинной связью всех наук, В.Ф. Одоевский и называл любомудрием.

Мыслитель выступал против рационалистического схематизма, не способного в своей односторонности понять что бы то ни было в природе, истории и человеке. Одних данных рассудка совершенно недостаточно для постижения единства мира, поэтому художественный дар – это то, что необходимо любому учёному. «Наука должна стать поэтической» [5, т.1., ч.1, с.155], – утверждает русский мыслитель. Поэтому научные доказательства не могут базироваться только на данных рассудка. «Силлогизмом можно доказать, но не уверить» [11, с.236-238], – писал В.Ф. Одоевский. Науки должны оцениваться не по их пользе, а по той мере, в какой они способствуют достижению высшей цели, т.е. возвышению человеческого духа.

Согласно взглядам русского мыслителя, основа подлинной философии – это триединство веры, знания и искусства. Он писал, что «в человеке слиты три стихии — верующая, познающая и эстетическая» [5, т. 1, ч. 1, с. 151]. Их единство ведёт к пониманию подлинного содержания культуры и, что очень важно, смысла истории. Все искусства развивают эстетическую культуру и поэтому несут высшие ценности. Но основные цели художественного творчества остаются неприкосновенными: познание мира и, как следствие, благотворное преобразование общества. Можно сказать, что В.Ф. Одоевский в своих гносеологических взглядах «нащупывает» ту точку, в которой органически сходятся друг с другом эстетическое, этическое и социально-политическое начало. Мыслитель полагал, что в сфере целостного познания они никоим образом не противоречат друг другу, но, скорее, дополняют.

Говоря о всеобъединяющей силе человеческого ума и критикуя гносеологическую односторонность, В.Ф. Одоевский закономерно подходит к размышлениям об исторической роли России и русского народа. Мыслитель считает, что именно русский дух отличается целостностью, «всеобъемлющей многосторонностью» [11, с. 304]. Русская *всеобщность*, или *всеобнимаемость*, помогут синтезировать веру, искусство и науку, что является, согласно В.Ф. Одоевскому, основным социально-политическим вектором будущего. С этой задачей «односторонние» европейские нации с их мировоззренческой установкой на *части* вне контекста *целого* и на *признаки* вне контекста *общего* не справляются. Но русские справятся. Именно поэтому провидение сохраняло русский народ поодаль от совратившегося с истинного пути человечества. «Один новый, один невинный народ достоин сего великого

подвига; в нем одном, или посредством его, еще возможно зарождение нового света, обнимающего все сферы ума и общественной жизни» [11, с.251-252], – провозглашает мыслитель русское будущее.

В.Ф. Одоевский выстраивает свой социально-политический идеал, выводя его из своих онтологических и гносеологических построений. В утопическом романе «4338-й год» [11, с.487-521] он описал принципиально иную структуру власти. Связывает мыслитель эту структуру с преображением науки и преодолением её раздробленности и односторонности. На пути поиска цельного знания будет много препятствий: очередные классификации, упрощение методов, попытки механически соединить все науки в одну. В качестве конечного результата этого трудного процесса В.Ф. Одоевский прозревает новое социально-политическое устройство, когда во главе общества будут стоять поэты и философы, а другие учёные группы физиков, химиков, историков, географов и т.д. будут им подчиняться. Причём, что важно, связь здесь должна быть не только научная, но и гражданская. Внизу такой иерархической лестницы будут простые испытатели-эмпирики, которые занимаются опытами. Именно такая реформа приведёт Россию к осязаемым достижениям и в социально-политической, и в научной сферах.

В качестве политического идеала утопия В.Ф. Одоевского может на первый взгляд показаться наивной, однако эффективность элиты в существенной степени определяется именно способностью целостного понимания происходящих процессов и глобального проектирования на сотни лет вперёд. Как тут не вспомнить знаменитое высказывание Воюнда: «Как же может управлять человек, если он не только лишён возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?» [2, с.14]. Воюнд – это, конечно, персонаж весьма специфический, но нельзя тут не согласиться с тем, что управление – это способность планировать на промежуток времени, сильно превосходящий человеческую жизнь.

В.Ф. Эрн: целостность и Логос

Другой яркий русский мыслитель, на взглядах которого в контексте проблемы целостности хотелось бы подробнее остановиться, – это Владимир Францевич Эрн (1882–1917). Стилистически он сильно более академичен и существенно отличается от В.Ф. Одоевского. В.Ф. Эрн можно отнести к разряду, скорее, религиозных философов. Он по ряду положений наследовал философии всеединства (В.С. Соловьёв, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой), считал целостность важнейшей категорией, но особенно его интересовало, как эта сверхидея проявляет себя в социополитической и исторической плоскости.

В.Ф. Эрн вступает в полемику с идеей материалистического социализма. Он полностью признаёт положительную, с его точки зрения, сторону этого учения: жажду свободы и прогресса. Мыслитель считает, что это величайшая задача – сделать свободным не только себя, но и целый мир, и что без освобождения всего мира человек не может принять и собственной свободы. «Мне нужна свобода деяния, — пишет В.Ф. Эрн. — Но эта свобода не только свобода. Она уже — *власть*. Власть реального воздействия на косную среду мира. Власть претворения одних элементов жизни в другие. Творческая власть созидания того, чего ещё нет. Религиозная, благодатная сила преображения того, что исполнено зла и неправды» [15, с.188].

Отталкиваясь от марксистской максимы «от царства необходимости к царству свободы», В.Ф. Эрн задаётся вопросом: а что такое свобода? Он утверждает, что свобода невозможна в причинно-следственном мире феноменов, что свобода невозможна там, где суммируются «феноменальные» человеческие жизни, которые обрываются смертью, т.е. заканчиваются нулём. Вообще, Целое не может получиться из суммы разрозненных частиц. Поэтому подлинная свобода, подлинная целостность возможны только в случае преодоления времени и смерти. Только в этом случае возможна полнота Бытия, которая связана в первую очередь с идеей Бога Живого. Свобода невозможна там, где нет Абсолютного [15, с.237-238].

И так же только на «феноменальном» уровне невозможен подлинный прогресс, ибо прогресс – это не просто увеличение материальных, экономических благ, это постепенное проявление мира ноуменального в этом феноменальном мире, когда происходит раскрытие цельной реальности, и когда законы мира сего побеждаются. Так в социально-политической плоскости, в историческом процессе и происходит постепенно процесс преобразования. «Божество сходит на землю, <...> очеловечивается, – пишет В.Ф. Эрн, – и этим человечество возводится на новую — высшую и абсолютную ступень бытия. Феноменальное ноуменализируется, тленное пронизывается Вечностью, человеческое обожествляется» [15, с.235]. Именно в таком сюжете и проявляет себя Логос – вторая ипостась Троицы. Его усвоение и происходит в богочеловеческом историческом процессе. И соответственно, Целое можно познать лишь за пределом Истории.

В контексте проблемы соединения феноменального и ноуменального В.Ф. Эрн разрабатывает свою теорию *целостности*. Единое Целое – это живой сверхорганизм, у которого есть свой центр жизни, который распространяет её искры во всех формах существования. Чтобы быть неотъемлемой частью этого целого, необходимо преодоление и времени, и смерти. Связь личности со сверхэмпиричным, ноуменальным Существом возможна только в том случае, если уничтожения личной жизни не существует, если смерти нет [15, с.237-238]. У Единого Существа – две составляющие: трансцендентное-ноуменальное и имманентное-эмпирическое, как и у человеческой личности, и у этого Существа есть ещё одно имя – Церковь.

В своей запредельной, мистической ипостаси Церковь – невеста Христова, а в своей земной ипостаси – орудие борьбы с инструментами хаоса и раздробленности в историческом процессе. «В субъекте прогресса христианское понимание решительно подчеркивает *абсолютные* элементы, — считает В.Ф. Эрн, — истинным носителем прогресса может быть только бессмертная личность человека, своим бессмертием и своей ноуменальной природой входящая составным элементом в Существо высшего порядка, в Целое мира — в Церковь» [15, с.239]. Обратим внимание на то, что, по мнению В.Ф. Эрна, именно в социально-политической плоскости, в историческом процессе Логос в конечном счёте реализует себя.

А.А. Богданов: целостность и тектология

Абсолютную противоположность В.Ф. Эрну и его мистическому христианству в политическом и этическом смысле олицетворял собой радикальный русский революционер, соратник В.И. Ленина Александр Александрович Богданов (1873–1928), которого даже называли «вице-лидером большевиков». Однако идея целостности вызывала у А.А. Богданова не меньший интерес. Он считал, что человечество не уйдёт далеко по пути прогресса, если не создаст науку целостного знания, «всеобщую организационную науку» *тектологию*. Её призванием было «соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры» [1, с.241]. В лоно большевизма А.А. Богданов внедрял универсальную «методологию миропонимания» и идею «учения о связи разных сторон общественного процесса». Он считал, что новый справедливый строй сможет осуществиться только в том случае, если удастся разработать «общие способы исследования, которые давали бы ключ к самым различным специальностям и позволяли бы быстро овладевать ими» [1, с. 98].

Помимо осуществления новой универсальной науки – тектологии – А.А. Богданов утверждал важнейшей задачей «собрание» человека. Дробление человека было исторически вызвано многими факторами, но в особенности усилением специализации. В результате микрокосм человека стал узок. Как одно из следствий такого положения дел возникает индивидуалистическое сознание: человеческое «я» начинает радикально противопоставлять себя другим человеческим «я», мучиться «проклятыми вопросами» о смысле жизни, предназначении человека и т.д. А причина таких вопросов заключается в том, что человек не целостен, не «собран» [1, с. 25-26].

А.А. Богданов приходит к однозначному выводу, что задача подлинного политического проекта, обращённого в будущее, заключается не только в том, чтобы реализовать коммунистические идеалы в экономической плоскости, но и в том, чтобы дать научную и одновременно интегральную концепцию человека, а также, как было сказано выше, науку целостного знания – тектологию. Такое собирание человека должно привести к смене одного направления развития другим, а дисгармоническое движение человечества раздробленного должно стать гармоническим развитием нового объединённого человечества.

То есть, находясь в совершенно различной политической и этической плоскости, рассмотренные нами русские мыслители приходили к одной и той же идее – идее целостности: В.Ф. Одоевский отталкивался от литературных романтических идеалов, В.Ф. Эрн – от академической религиозной философии, А.А. Богданов – от марксизма.

Заключение

Если говорить о современной России, то идея целостности возвращается в плоскость политической философии. Любопытно, что Владислав Юрьевич Сурков – человек с репутацией главного кремлевского идеолога времён В.В. Путина – в докладе «Русская политическая культура. Взгляд из утопии» [14, с. 6-12], произнесённом в 2007 г., предлагает взять идею *целостности* на вооружение уже в контексте современности. Он рассуждает о русском культурном сознании и приходит к выводу, что всё в нём проникнуто холизмом, созерцанием целого, а это означает, что интуиция в таком сознании занимает более высокое место, чем рассудок, образность находится выше логики, синтез – выше анализа, идеализм – выше прагматизма, а общее – выше частного. То есть даже современные политтехнологи понимают всю важность для России холистской идеи и осознают её именно как идею, которая так или иначе очерчивает место России в современном мире.

Данное мировоззрение актуально и в контексте поиска места человека в этом мире. Идеология радикального индивидуализма, в которой каждый человек представляет собой некую «автономную личность», показала свою губительность, а также определённую тенденцию к исчерпанию своего проектного потенциала [9]. Однако и тотальный коллективизм, перемалывающий отдельную личность, также чужд русскому мирозерцанию. Только соборность и симфонизм представляют собой идеальную золотую середину в разрешении проблемы человека.

Ярчайший пример нехватки целостного понимания – нынешняя ситуация, связанная с коронавирусной паникой. Мир оказался перед лицом серьёзного вызова, и у людей есть острая потребность получить некое системное объяснение, что всё-таки происходит. Полноценного объяснения в итоге до сих пор нет, и связано это не только с неожиданностью ситуации, но и с тем фактом, что узкие профессионалы-специалисты в разных областях, даже если что-то способны понять, не могут в итоге донести эту информацию не только до широких масс, но даже до представителей сопредельных научных областей, ибо узкая специализация порождает узкопрофессиональный язык только и исключительно для своих. Итогом такого непонимания на всех уровнях становится спонтанность и суетливость действий, не всегда приводящая к положительным результатам.

Всё чаще важность идеи *Целого* в сфере образования осознают и те представители современной педагогики, которые настаивают на том, что главным критерием образованности является системность знаний и мышления (в частности, И.П. Подласый [12, кн.1, с. 27]). Эта системность заключается в том, что человек способен узреть целостную картину того или иного процесса, грамотно достроить частички целостной мозаики и способен самостоятельно реконструировать недостающие звенья в системе знания. Следует отметить, что такое понимание присутствовало как в российской системе гимназического образования, так и в советской системе образования.

Подытоживая всё сказанное, можно сказать, что целостность – это важнейшая составляющая русской культуры, в том числе в её политической плоскости, а русская культура – это стержень России как цивилизации. И в этом смысле можно сказать, что

Россия – альтернативная Европа, каковой она и была всегда (и в дореволюционные времена, и в постреволюционные), а идея целостности – это синтез подлинного единства и подлинной свободы. Этот синтез вполне может стать фундаментом для новой идеологии, которую можно обозначить как *Модерн 2.0* и которая не повторит мировоззренческие ошибки, допущенные классическим западноевропейским модерном, а также вернёт социально-политическое и историческое проектирование в мир «раскрепощённых частей» агрессивного постмодернизма.

Литература

1. Богданов А.А. О пролетарской культуре. — М.-Л.: Книга. 1924. — 344 с.
2. Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 тт. Т.5. — Москва: Художественная литература. 1989. — 736 с.
3. Дугин А.Г. Философия политики. — Москва: Аркогея. 2004. — 614 с.
4. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX—XX веках. Русская философия в поисках абсолюта: В 2х частях. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 415 + 413 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2х тт. — Л.: Эго, 1991. — Т. 1. — 280 с.
6. Ишутин А.А. Некоторые теоретические аспекты холизма как философской позиции // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. — 2017. — №4. — С. 21–30.
7. Лазарев В.В. Идея целостности в русской религиозной философии (середина XIX – начало XX в.). — Москва: ИФРАН, 2012. — 222 с.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — Москва, Санкт-Петербург: Институт экспериментальной социологии, Алетейя. 1998. — 159 с.
9. Матюхин А.В. Современный российский либерализм: конец проекта? //Журнал политических исследований. — 2017. — Т. 1. — №3. — С. 149–162.
10. Матюхин А.В., Ишутин А.А., Моржеедов В.Г. Проевропейские и антиевропейские взгляды в российской общественной мысли XIX – первой половины XX вв. //Социально-гуманитарные знания. — 2019. — №6. — С. 28–45.
11. Одоевский В.Ф. Русские ночи: роман. Повести. Рассказы. Сказки. — Москва: Эксмо, 2007. — 638 с.
12. Подласый И.П. Педагогика: В 2х книгах. — Москва: Владос, 1999. Кн. 1. 576 с.
13. Столович Л.Н. История русской философии. Очерки. — Москва: Республика, 2005. — 495 с.
14. Сурков В.Ю. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Материалы обсуждения в «Независимой газете». — Москва: Издательство Независимой Газеты, 2007. — 96 с.
15. Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Г. Скворода. Жизнь и учение. — Минск-М.: Харвест-Аст, 2000. — 592 с.
16. Яковенко Б.В. История русской философии. — Москва: Республика, 2003. — 512 с.

References

1. Bogdanov A.A. *O proletarskoy kul'ture* [About proletarian culture]. M.-L., Kniga Publ., 1924, 344 p. (In Russian).
2. Bulgakov M.A. *Sobr. soch.: V 5 tt. T.5* [Collected works in five volumes. V.5]. M., Khudozhestvennaya literature Publ., 1989, 736 p. (In Russian).
3. Dugin A.G. *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. M., Arkogeya Publ., 2004, 614 p. (In Russian).
4. Evlampiev I.I. *Istoriya russkoy metafiziki v XIX—XX vekakh*. Russkaya filosofiya v poiskakh absolyuta: V 2kh chastyakh [History of Russian metaphysics in the XIX-XX centuries. Russian philosophy in search of the absolute: in 2 parts]. SPb., Aleteyya Publ., 2000, 415 + 413 p. (In Russian).
5. Zen'kovskiy V.V. *Istoriya russkoy filosofii: V 2kh tt.* [History of Russian philosophy in 2 volumes]. L., Ego Publ., 1991, V. 1, 280 p. (In Russian).

6. Ishutin A.A. Nekotorye teoreticheskie aspekty kholizma kak filosofskoy pozitsii [Some theoretical aspects of holism as a philosophical position] *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie nauki*. [Bulletin of the Moscow state regional University: Series: philosophical Sciences]. 2017, I. 4, pp.21-30. (In Russian).
7. Lazarev V.V. *Ideya tselostnosti v russkoy religioznoy filosofii (seredina XIX – nachalo XX v.)* [The Idea of wholeness in Russian religious philosophy (mid-XIX – early XX century)]. M., IFRAN Publ., 2012, 222 p. (In Russian).
8. Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The state of postmodernism]. M., SPb., Institut eksperimental'noy sotsiologii, Aleteyya Publ., 1998, 159 p. (In Russian).
9. Matyukhin A.V. Sovremennyy rossiyskiy liberalizm: konets proekta? [Modern Russian liberalism: the end of the project?] *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2017, V.1, I. 3, pp.149-162. (In Russian).
10. Matyukhin A.V., Ishutin A.A., Morzheedov V.G. Proevropeyskie i antievropeyskie vzglyady v rossiyskoy obshchestvennoy mysli XIX – pervoy poloviny XX vv. [Pro-European and anti-European views in Russian public thought of the XIX-first half of the XX centuries] *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2019, I.6, pp.28-45. (In Russian).
11. Odoevskiy V.F. *Russkie nochi: roman. Povesti. Rasskazy. Skazki* [Russian nights. Novellas, stories, and fairy tales]. M., Eksmo Publ., 2007, 638 p. (In Russian).
12. Podlasyy I.P. *Pedagogika: V 2kh knigakh* [Pedagogy: In 2 v.]. M., Vldos Publ., 1999, b. 1, 576 p. (In Russian).
13. Stolovich L.N. *Istoriya russkoy filosofii. Ocherki* [History of Russian philosophy. Essays]. M., Respublika Publ., 2005, 495 p. (In Russian).
14. Surkov V.Yu. *Russkaya politicheskaya kul'tura. Vzglyad iz utopii. Materialy obsuzhdeniya v «Nezavisimoy gazete»* [Russian political culture. A view from utopia. Materials of discussion in "Nezavisimaya Gazeta"]. M., Izdatel'stvo Nezavisimoy Gazety Publ., 2007, 96 p. (In Russian).
15. Ern V.F. *Bor'ba za Logos. G. Skovoroda. Zhizn' i uchenie* [The Struggle for the Logos. G. Skovoroda. Life and teaching]. Minsk-M., Kharvest-Ast Publ., 2000, 592 p. (In Russian).
16. Yakovenko B.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. M., Respublika Publ., 2003, 512 p. (In Russian).